

Политика советских властей в отношении китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг.

© 2014

А. Маленкова

В статье предложена периодизация истории китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1922 по 1938 гг. На основе событий внутренней и внешней политики Советского Союза, отношений советских властей и китайских мигрантов, а также изменений внутри диаспоры были выделены три периода. Подобный подход помогает глубже проанализировать определенные успехи политики в отношении мигрантов и понять причины депортации китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР.

Ключевые слова: китайские мигранты, Дальний Восток, периодизация, НЭП, депортация.

Изучение истории любой диаспоры требует учета как истории страны проживания, так и того региона этой страны, где она непосредственно расселена. Это относится и к китайской диаспоре на Дальнем Востоке России и СССР, обладавшем весьма сильной региональной спецификой.

Цель данной статьи — предложить один из возможных вариантов периодизации истории китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР с 1922 по 1938 гг., то есть со времени включения этих территорий в состав Советского Союза и до депортации большей части оставшегося там китайского населения в Синьцзян, советскую Среднюю Азию и Казахстан в 1938 г., основываясь как на изменениях в политике властей по отношению к диаспоре, так и на социальных изменениях внутри ее самой.

Основными источниками для изучения данного вопроса служат официальные документы (данные переписей, статистические справочники, постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и региональная периодическая печать тех лет на русском и китайском языках)¹. Весьма важными для данного исследования также являются воспоминания современников (как китайцев, так и русских), работавших на Дальнем Востоке или побывавших там (Д. Мечник, Е. Кишкина, Се Хуайдань, Ши Чжэ, Р. Вяткин, В. Бережков).

Первые работы по изучению китайцев на Дальнем Востоке СССР были начаты еще в 1920-е гг. Китаистами А.Г. Шпринциным и Т.Ф. Скворцовым-Токариным, однако, они затрагивали в основном вопросы латинизации китайского языка и топонимики². Комплексное же изучение китайской диаспоры на Дальнем Востоке СССР в 1920–30-е гг. стало возможно только в последние десятилетия. Наибольший вклад в исследование жизни китайцев на Дальнем Востоке в советский период внесли труды О.В. Залесской,

Маленкова Анастасия Андреевна, старший преподаватель кафедры истории Китая Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Тел. 8 (903) 578-44-96; e-mail: a.malenkova@gmail.com.

Н.Г. Кулинич, Е.Н. Чернолуцкой и других авторов³, однако целый ряд вопросов все еще остается нерешенным, включая вопрос о периодизации истории китайцев Дальнего Востока.

Как известно, большая часть Дальнего Востока формально вернулась под контроль общероссийского центра, когда 15 ноября 1922 г. территория Дальневосточной республики вошла в состав РСФСР в качестве Дальневосточной области, а затем вместе с Россией стала частью Советского Союза. Дальневосточный регион обладал своей весьма существенной спецификой, которая влияла как на политику властей, так и условия жизни местного населения. Главной его проблемой было несоответствие между огромной территорией, значительными ресурсами и огромным стратегическим значением, с одной стороны, и небольшим населением и ограниченными возможностями государства, с другой. Когда в 1926 г. был образован Дальневосточный край (ДВК), его территория составила 2,6 млн. км кв., однако, численность населения согласно переписи равнялась лишь 1,9 млн. чел. Эти обстоятельства создавали постоянную потребность в притоке рабочей силы при освоении местных ресурсов, которая удовлетворялась, в том числе, и за счет притока иммигрантов из соседних стран. Согласно официальным статистическим данным, значительную часть иностранных жителей ДВК составляли китайцы — более 72 тыс. чел из 154 тыс. местных иностранцев⁴. Однако, действительная численность китайской диаспоры в Дальневосточном крае была значительно больше, чем цифры зафиксированные статистикой. Согласно секретной справке «Китайцы в Дальневосточном крае» (1930 г.): «Данные переписи 1926 г. ни в какой мере не дают представления о действительном количестве китайского населения в Крае, так как в силу текучести его нет возможности зарегистрировать всех китайских граждан, проживающих на территории Дальне-Восточного Края»⁵. Значительное присутствие китайского населения ощущалось всеми побывавшими на Дальнем Востоке в это время. Корреспондент «Немецкой центральной газеты» («Deutsche Zentral Zeitung»), издававшейся в Москве, в 1927 г. так описывал город Владивосток: «Когдаходишь в зал ожидания вокзала Владивостока, сразу наконец ощущаешь, что находишься на Востоке. Даже можно подумать, что находишься в Китае — так много китайцев! Да, Владивосток очень похож на китайский город...»⁶ И даже статья о Владивостоке в первом издании «Большой советской энциклопедии» отражает явное китайское влияние в городе: «Наличие иностранных судов, — главным образом, японских, — значительное количество живущих в городе японцев, китайцев и корейцев, китайские носильщики (кули), китайские лавочники, харчевки и театрики, оригинальные китайские парусные суда, — все это придает Владивостоку тихоокеанский колорит»⁷.

Регион, отдаленный от столицы на тысячи километров, обладал определенными особенностями, которые были связаны с его географическими характеристиками и этническим составом населения. Следует также учитывать, что экономические меры, принимавшиеся советским партийным руководством, «доходили» до дальневосточных окраин немного позже, чем начиналась их реализация в центральной России.

Еще одним отличием региона от остальной части СССР было его международное положение. Географически он был частью Восточной Азии, но политически постепенно оказывался изолированным от нее. Кроме того, в 1920–30-е гг. на ситуацию на Дальнем Востоке влияли и изменения внешнеполитической ситуации: присутствие милитаристских группировок и бандитских формирований на северо-востоке Китая, наличие белой эмиграции в Харбине, события на КВЖД в 1929 г., вторжение японцев в Манчжурию в 1931 г. Естественно, что внешние факторы повлияли и на политику, проводимую там советскими властями, хотя местная специфика не всегда принималась во внимание.

Рассматриваемый период в истории России был временем коренных изменений во внутренней политике государства и создания экономики, общества и культуры, кото-

рые должны были базироваться на новых нормах. Все общественные и политические перемены, происходившие в Советском Союзе в то время, в большей или меньшей степени отразились и на жизни китайского населения на Дальнем Востоке страны, однако этот процесс, как уже говорилось, имел свою специфику и свою периодизацию.

Анализ трансформации китайской диаспоры на Дальнем Востоке России и изменений в воздействовавших на нее экономических и социально-политических процессах, позволяет выделить в этом этапе ее истории три основных периода. (Рубежи этих периодов определены, исходя из того, когда соответствующие тенденции общественно-политического развития стали преобладающими, а не исходя из времени появления этих тенденций).

Первый период длился с 1922 по 1929 гг. Для Советского Союза это время реализации НЭПа (с марта 1921 г.), когда существовал рынок и различные формы собственности, в форме концессий в советскую экономику активно привлекался иностранный капитал, была проведена денежная реформа, после которой рубль на время стал конвертируемой валютой. На Дальнем Востоке СССР в этот период государственную политику во многом определяли задачи экономического развития. Власти, стремясь наращивать там экономический и военный потенциал и не имея пока достаточных сил и средств для контроля над местным населением, часто шли тогда на весьма существенные даже для этого периода компромиссы, когда политические принципы приносились в жертву экономической целесообразности. Сказывалась на общей обстановке и предшествующая история региона.

Как отмечает Е.Н. Чернолуцкая, особенностью НЭПа на Дальнем Востоке было то, что «здесь в период гражданской войны не был разрушен рынок. Дальневосточный частник более легко адаптировался к реалиям советской жизни, так как счастливо избежал трагических событий периода “военного коммунизма” и сплошной экспроприации, имевших место в центральных губерниях России в годы революции и гражданской войны»⁸. Таким образом, китайские купцы и мелкие торговцы также некоторое время могли беспрепятственно продолжать свою деятельность, лишь расширяя свое присутствие в регионе. Согласно сохранившимся статистическим данным за 1926–1927 гг. в составе частной торговой сети края имелось «свыше 50% торговых заведений, принадлежащих китайским гражданам, и охватывающих, примерно, такой же процент торгового оборота»⁹.

Проживавший в это время на Дальнем Востоке театральный режиссер Донат Мечик¹⁰ так описал эпоху в своих воспоминаниях: «Атмосфера Владивостока легко открывала двери НЭПу. По-прежнему работали: датский телеграф, бельгийский трамвай, греческие кафе “Куруппи” и магазин восточных сладостей Калояни, чешские кондитерская фабрика “Пригода” и иллюзион “Глобус”, немецкий универсальный магазин Кунста и Альберса, фотография японца Хосито, два китайских театра, популярный магазин Сан-Хо-шина, бесконечное количество прачечных, парикмахерских и лавчонок китайских предпринимателей»¹¹.

После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке, в регионе происходит постепенное восстановление хозяйственной жизни и увеличение доли государства в экономике: «В 1923–1924 гг. были национализированы ряд заводов, пищевые предприятия, домовладения, восстановлены угольные шахты Сучана, пущены в эксплуатацию законсервированные в войну цехи крупнейшего на Дальнем Востоке судоремонтного предприятия — Дальзавода, расширялась сфера действия Владивостокского торгового порта». При этом, «присоединив Приморье к Советской России политически, в экономическом плане Москва поначалу предоставила регион самому себе в связи с катастрофической нехваткой государственных средств и отсутствием экономических связей центральных районов страны с Дальним Востоком»¹².

Стоит выделить и еще одну особенность региона. В 1920-е гг. Дальний Восток СССР играл важную экономическую роль, так как он, как отмечал С.Е. Чуцкаев, пред-

ставлявший ДВК на XV Съезде ВКП (б) в 1927 г., «увеличивал экспортные и валютные ресурсы Союза» и давал «значительные валютные средства»¹³. Поэтому менять экономический порядок на Дальнем Востоке в тот период было не выгодно для государственных доходов.

Экономический рост этих мест в большой степени зависел от притока на Дальний Восток мигрантов. Для осуществления замыслов по развитию данной территории¹⁴ планом Крайземуправления¹⁵ предусматривалось вселение в край в первое десятилетие 1 млн. человек. Однако расчет на внутреннюю миграцию не оправдался: далеко не все жители европейской части Союза захотели и смогли жить и работать в предлагаемых сложных условиях. Китайские же рабочие готовы были выполнять работу за меньшие деньги, чем советские (исследование условий труда рабочих в ДВК показало, что «зарплата неорганизованных восточных рабочих составляет едва 20 проц. по отношению к таковой же у членов союза»¹⁶) и жить в помещениях, непригодных, с точки зрения советского рабочего, для нормального существования. Особенно жуткими были общежития на экономически значимых предприятиях угольной и золотодобывающей промышленности. Комиссия, которая обследовала бытовые условия жизни китайских рабочих в 1929 г., обнаружила, что они жили или в «матязных бараках /МАТЯЗА — в переводе на русский язык — конюшня/», или в землянках «скудно, в антисанитарных условиях», и пришла к выводу, что если бы русский рабочий «был поставлен в те же жилищные условия, что и китаец, он не проработал бы и одного дня»¹⁷. Также необходимо было учитывать разницу в подходе и отношении к труду со стороны русских и китайцев. Китаец для большого количества работ был предпочтительнее русского.¹⁸

Именно для первого периода характерны не только наибольшая численность китайской диаспоры и ее максимальное экономическое влияние в крае. В эти годы также, в большей степени, чем в дальнейшем, там сохранялись и функционировали традиционные формы социальной организации китайцев: купеческие общества, религиозные общины, система найма и организации труда рабочих.

В 1920-х гг. верхушку китайского общества на Дальнем Востоке России все еще составляли крупные и средние торговцы, либо временно приезжавшие из Китая, либо прочно обосновавшиеся на русской советской территории и даже имевшие советское гражданство. Китайцы торговали очень широкой номенклатурой товаров: от элементарного промышленного и сельскохозяйственного оборудования до дров, одежды и продуктов питания. При этом китайские коммерсанты пытались занять все свободные товарные ниши и торговые территории. В основном «китайская торговля специализировалась преимущественно в следующих отраслях: съестные припасы, напитки и табачные изделия — 22,1%; мануфактура и галантерея — 3,8%; смешанная торговля (мелочная) — 48,5% и заведения по предоставлению питья и пищи (столовые, харчевки и т. д.) — 10,2%»¹⁹. Таким образом, китайские торговцы были весьма важным элементом общества дальневосточных приграничных территорий СССР.

Особую роль в организации жизни китайской общины в это время играли китайские купеческие общества (*шанхуй*). Несмотря на преследования со стороны советских властей, эти общества в ДВК продолжили свое существование открыто, сменив название на общества взаимопомощи, и оказывая значительное влияние на китайскую диаспору. Одно время они издавали во Владивостоке газету и содержали больницу, а также школу, в которой обучали китайских детей по китайским программам. Китайские купеческие общества на Дальнем Востоке фактически выполняли функции и административного органа, так как работали в тесном контакте с Пекином и оказывали большое влияние на местное китайское население. Китайский консул фактически работал под их руководством и наблюдением. Одно время консул даже получал от членов обществ жалование и ни одного паспорта не мог выдать без их санкции²⁰. Согласно сведениям из справки о положении китайского населения 1929 г., «поддерживая мате-

риально китайское консульство в ДВ Крае, эти общества в то же время служат проводниками консульского влияния на китайское население, вплоть до осуществления последними консульской юрисдикции на нашей территории».²¹

Рабочие-мигранты, составлявшие большинство дальневосточных китайцев, также часто были интегрированы в социальные традиционные структуры (побратимские союзы, религиозные общины и тайные общества). Продолжала функционировать и традиционная для китайских рабочих схема найма рабочих: основную роль в этом процессе, по-прежнему, играли подрядчики-старшинки, джангуйды-хозяева, компрадоры-посредники²². Борьба с ними не приносила должного результата из-за того, что без их участия организация и выполнение работ силами китайцев, по мнению местных управленцев, была невозможна.

Источники сохранили ряд интересных примеров попыток борьбы советской власти с подобными явлениями, которые свидетельствуют, что она была затруднена из-за позиции китайских рабочих. «В прошлом году (1928 г. — *А.М.*) на постройку элеватора в Средне-Белой сформировалась артель исключительно из восточников²³. Какой-то чисто одетый китаец получил в Благовещенске аванс на всех рабочих для поездки на место работы... Весь аванс он присвоил себе, а рабочие поехали в Средне-Белую на свои деньги. “Володя” — так звали джангуйду — преспокойно устроился на винзавод и здесь работал, ожидая очередного перевода от своих крепостных. Когда трюк джангуйды был разоблачен, то выяснилась полная невозможность доказать юридически его проделки. Рабочие стояли за него горой. Другой случай был в Архаре. Там джангуйда устроился гораздо удобнее. Числясь членом артели, он не работал, а разъезжал, подыскивая подряды и даже имел собственную контору, где работали два конторщика. Когда его поймали, повторилась та же история: ни милиция, ни другие органы не могли добиться от рабочих ни одного слова и “Володя” № 2 ускользнул от суда»²⁴. Без посредника невозможно было представить ни одну сферу жизни китайцев. Как отмечалось в уже процитированной справке, «компрадор официально существовал в советских условиях еще в 1928 г. Этого посредника имел советский торговый флот. Если китайцу-рабочему нужно было купить билет, он шел не в агентство Совторгфлота, а в суб-агентство некоего Ли-Фу, которое брало 6 рублей лишних. Компрадором пользовался и Владивостокский Откомхоз для получения платы с китайцев-рабочих за пользование электричеством. В китайском квартале на Семеновской улице существует китаец, у которого стоит отчетчик (так в тексте. — *А.М.*) и если китайский рабочий хочет завести электрическую лампочку, то он должен присоединиться к этому компрадору-китайцу»²⁵.

Китайская диаспора Дальнего Востока имела и собственные банки, которые пересылали заработанные мигрантами деньги в Китай. Возможность перевода денежных средств на родину была важным фактором привлечения китайских рабочих в СССР. Несмотря на то, что в 1928 г. из Советского Союза было выдворено 57 осужденных содержателей нелегальных китайских банков²⁶, в следующем году только по Владивостокскому округу насчитывалось 11 крупных китайских тайных банков, которые занимались переводом валюты в Китай и скупкой червонцев на черной бирже, понижая курс червонца. Работа китайских тайных банков велась с соблюдением конспирации и записи о переводах делались шифром²⁷.

Традиционной оставалась и культура китайской диаспоры в советское время. Во всех крупных городах Дальнего Востока продолжали функционировать китайские театры, как и раньше спонсировавшиеся китайскими коммерсантами. Для китайской диаспоры театр оставался практически единственным законным развлечением и был чрезвычайно популярен. И хотя находились те европейские зрители, кто восхищался мастерством китайских актеров²⁸, по мнению местных властей такой театр нуждался в реформировании: его репертуар, декорации и костюмы не соответствовали необходимым идеологическим нормам²⁹. С точки же зрения китайских актеров дальневосточные театры были

хорошей гастрольной площадкой, что обеспечивало приезд достаточно известных актеров китайского театра. В регионе также активно действовали постоянные труппы, обладающие собственными помещениями во Владивостоке, Хабаровске и Уссурийске.

В первый период деятельности советских властей в регионе те не смогли трансформировать традиционные формы существования китайской диаспоры, но вместе с тем он стал временем начала реализации комплекса мер, призванных обеспечить установление контроля над китайским населением Дальневосточного края со стороны органов власти: создаются образовательные учреждения (клубы, красные уголки, ликпункты)³⁰ для китайцев, начинается борьба за улучшение организации труда китайских рабочих, а также наблюдаются первые попытки ломки традиционных китайских социальных структур.

Так как в этот период советское руководство не смогло решить проблему нехватки рабочей силы в ДВК, регион продолжал нуждаться в мигрантах, в том числе и в китайской диаспоре. В 1929 г., выступая на XVI съезде ВКП(б), секретарь Далькрайкома И.Н. Перепечко отмечал: «Основным недостатком всего хозяйства края, препятствующим использованию колоссальнейших естественных его богатств, является острый недостаток, а иногда и полное отсутствие живой рабочей силы. В настоящее время мы ввозим десятки тысяч иностранных рабочих»³¹.

Второй период продлился с 1929 по 1934 г. В СССР на начало этого периода приходится кризис хлебозаготовок и, как следствие этого трудности снабжения в 1928–1929 гг., последовавшее за этим введение карточной системы для снабжения населения хлебом в условиях дефицита (отменена в 1935 г.), осуществление чрезвычайных мер по заготовкам (хлебозаготовки на основе контракции — т.е. механическая разверстка планов на районы, встречные планы) и коллективизации, как меры для борьбы с трудностями, возникавшими в ходе хлебозаготовок; свертывание НЭПа и запрет частной торговли в 1928 г. (решение о ее полной ликвидации было принято в 1931 г.); выполнение первого пятилетнего плана (1928–1933 гг.).

На Дальнем Востоке в это время власти практически полностью взяли под контроль экономику края и в дальнейшем определяли ее развитие. Радикальные перемены в экономической сфере и политические меры тех лет, естественно, сказались и на местной социальной структуре. Изменения в экономическом курсе, однако, приходили на дальневосточные рубежи с заметным опозданием³². НЭП фактически продлился в регионе до 1931 г. Лишь в начале 1930-х гг. в экономике региона «полностью возобладал социалистический сектор, частный и иностранный капитал был вытеснен, концессионное дело свернуто»³³.

Интересны свидетельства современников, которые застали переломную эпоху на Дальнем Востоке. Елизавета Кишкина³⁴ — будущая жена Ли Лисаня — в 1931 г. из Москвы уехала на работу в Хабаровск, где еще застала частную торговлю, придававшую Дальнему Востоку особый колорит и ощущение сытой жизни. Спустя год, в 1932 г. по заданию типографии она переехала во Владивосток, где экономическое положение было уже иным. Вот как она описывает его в своих воспоминаниях: «Этот красивый приморский город сразу привлек мое внимание. Наше издательство находилось в центре города и, сидя за рабочим столом, подняв голову можно было видеть необъятный океан, красивую бухту Золотой рог. Владивосток — это природная гавань, но в то время там ощущалось запустение, безлюдность, безжизненность, и он не был похож на оживленный и загруженный международный порт. Экономика была не на подъеме, имелись трудности с поставками угля, что заставило надолго задержаться в порту иностранные пароходы, из-за чего советскому правительству пришлось выплачивать штрафы в валюте. Так как производство угля и после этого сокращалось, экономика приграничья уже находилась в трудном положении»³⁵. Это было лишь начало экономических преобразований в крае. По воспоминаниям Е. Кишкиной, в дальнейшем условия жизни на Дальнем Востоке ухудшились даже для людей, находившихся на спецснабжении.³⁶

Еще одно свидетельство запустения Владивостока было описано корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» уже в 1934 г.: «Былая слава Владивостока прошла, остался только город с увлекательным прошлым, мрачным, доведенным до нищеты настоящим, и будущим омраченным неопределенностью и вероятной катастрофой. <...> Улицы пустые и бесцветные. Можно видеть только бедно одетых русских и истрепанных китайцев, и кое-где монголов, корейцев и японцев. <...> Владивосток слишком удален от центров советской индустриализации, чтобы он принимал активное участие в строительстве социализма. К тому же, он остался, со времен революции, обособлен от обычной торговой жизни Дальнего Востока. Захват Манчжурии Японией положит конец когда-то процветающему порту. <...> Здания разрушаются и улицы нуждаются в ремонте. Частые глубокие ямы на тротуаре делают ночные прогулки опасными. Две главные улицы, бывшие Алеутская и Светланская, были переименованы в улицы Ленина и 25-го Октября, но не более того, первая пятилетка и шесть условий товарища Сталина³⁷ мало что сделали для Владивостока. Он часто страдает от недостатка воды. Как и везде под русским правлением, частные дома когда-то богатых людей сейчас наполнены пролетариями. Благодаря притоку людей из внутренних районов страны, которые искали работу и пропитание, население удвоилось и обычной стала перенаселенность домов»³⁸.

В таких условиях существование мелких торговцев, ремесленников, прачек и различных кустарных рабочих стало весьма проблематичным, т.к. фактически они оказывались вне системы снабжения, а коммерсанты чем дальше, тем больше становились объектом преследований. Начался отток китайского населения из СССР, что сокращало слабо контролируемые властями слои диаспоры (по официальным данным на 1 января 1932 г. в крае проживало 52 тыс. китайцев³⁹), но было весьма негативным обстоятельством с точки зрения экономики, так как потребность в рабочей силе в те годы только возросла. Массовый отъезд китайского населения на родину (который безусловно превышал официальную статистику, так как уезжало и нелегально проживающее в крае население), первое время не компенсировался, заменить китайцев оказалось нечем, российское население мигрировало на Дальний Восток в недостаточном количестве. Возвращение китайцев на родину было также связано с продовольственными затруднениями в крае, а также прекращением «снабжения продуктами первой необходимости неорганизованного китайского населения»⁴⁰, что как уже говорилось, особенно затронуло всех тех, кто не был охвачен карточной системой.

Уменьшение численности происходило не только за счет увеличения выезда китайцев из СССР, но из-за сокращения въезда. В 1929 г. после начала конфликта на КВЖД китайско-советская граница была закрыта. После событий на КВЖД и оккупации японцами Маньчжурии советские власти принимают комплекс мер, направленный на дальнейшее укрепление границы с Китаем, пресекая все «неконтролируемые контакты с зарубежьем»⁴¹. Контроль над границей стали укреплять и японские военные вместе с властями Маньчжоу диго⁴², что сделало невозможным массовый приток рабочей силы из Китая в принципе. Ши Чжэ⁴³, работавший в СССР в описываемый период, писал: «К 1931–1932 гг. количество китайских мигрантов в Советском Союзе сократилось более чем на две трети. В 1932 г. когда Япония заняла Северную Маньчжурию, транспортное сообщение между Советским Союзом и Северо-Востоком Китая было прервано».⁴⁴

Необходимость в переселении людей на Дальний Восток, как уже отмечалось, только возросла. Официально в первый пятилетний план была заложена цифра в 800 тыс. чел.⁴⁵ Советское руководство открыто провозглашало, что в дальнейшем освоение природных богатств края должно будет происходить на базе широкого организованного переселения, которое во второй пятилетке должно было принять очень большие размеры⁴⁶. Однако, план по добровольному организованному переселению так выполнен и не был. К тому же на Дальнем Востоке всегда существовала проблема «закрепляемости» добровольно переселяемого населения, большинство приехавших не хотели оста-

ваться в регионе из-за отсутствия достойных социальных и материальных условий (бытовой благоустроенности, диспропорции женского и мужского населения и т.п.)⁴⁷. Недостаток рабочей силы в наиболее трудных для проживания районах в течение 1930-х гг. постепенно был компенсирован крестьянами, уходившими из деревень после коллективизации, «спецпереселенцами»⁴⁸ и заключенными Дальлага⁴⁹, которые фактически заняли социальную нишу китайских рабочих, после чего во многом исчезла необходимость массового присутствия китайских мигрантов на Дальнем Востоке СССР.

Коллективизация, начавшаяся в 1931 г. (сроки завершения которой для Дальнего Востока были отодвинуты до весны 1933 г.⁵⁰), также ударила по той части дальневосточных китайцев, которая долгое время занималось снабжением дальневосточных городов свежими овощами и зеленью. В крае были организованы китайские колхозы, а с единоличниками начата последовательная борьба. Стоит отметить, что была в определенной мере сохранена «специализация» китайских колхозов на овощных культурах, так как они традиционно успешно выращивались китайскими крестьянами.

Начиная примерно с 1929 г., советские власти активизировали борьбу с китайскими торговцами и предпринимателями, а также с купеческими и некоторыми религиозными обществами, предпринимая меры по их закрытию. После начала кампании по свертыванию НЭПа и после конфликта на КВЖД деятельность подобных китайских обществ на территории ДВК была прекращена почти полностью. Дипломатические отношения между Китайской Республикой и Советским Союзом были прерваны. Под воздействием изменившейся внутренней и внешней политики СССР значительные изменения претерпели также сфера занятости⁵¹ и традиционные формы социальной организации китайской диаспоры.

Эти действия начали сказываться и на образе города. По свидетельству коммуниста-путешественника из Центральной Европы Отто Хеллера, посетившего Дальний Восток в 1932 г., Владивосток был городом, где присутствовало большое количество китайских рабочих, которые были включены в систему социалистического строительства. Он весьма идеалистически описывает условия созданные для китайских мигрантов: «Китайские портовые рабочие, которые работали не только в транзитных доках, но и в доках с лесоматериалами и углем, были особенно активны. Социалистическое соревнование, бригады, обучающие курсы, ликвидация безграмотности — все это были равные условия для европейских и азиатских рабочих»⁵².

Второй период определяется также началом активной советизации китайского населения: продолжением кампании по вовлечению китайцев в профсоюзы, формированием китайских пионерских отрядов, организацией китайских колхозов⁵³, кампанией по созданию китайской советской культуры, включавшей новую литературу и театр и т.д. Разворачивается работа по переводу китайского языка на латиницу⁵⁴ и ликвидации неграмотности с одновременным приобщением к основам советской идеологии.

В данный период советская власть активизирует работу по подготовке китайских кадров для Дальнего Востока. Так, в конце 1928 г. было решено отправить «студентов Университета им. Сунь Ятсена, членов партии и комсомола, в золоторудные районы Сибири для работы над идеологическим, политическим и культурным воспитанием восточных рабочих, [эта должность] называлась инструкторами восточных рабочих».⁵⁵ Однако, далеко не все китайские студенты соглашались долгое время работать на рудниках с китайскими рабочими. Большинство было настроено «против работы на приисках и с начала приезда» ставили «вопрос об откомандировании их обратно в Москву, изыскивая для этого всевозможные причины /болезнь, плохие жилищные условия, невозможность перевоспитания восточных рабочих из-за их неграмотности, возраста и т.д./»⁵⁶. Найти достаточное количество людей, которые могли бы проводить политику советских властей в среде китайских мигрантов, было практически невозможно. Нередко происходили курьезные случаи, например, когда в Архаинском районе Амурского округа в рабочем был

избран китайский рабочий, но вместо ведения профсоюзной работы он стал старшиной и получал с рабочих процент от их заработка⁵⁷.

В начале 1930-х гг. было также положено начало трансформации старой культурной жизни и созданию совершенно новых форм развлечений. Как уже было отмечено, дальневосточные китайские театры играли важную роль в существовании китайской диаспоры. Для большого количества неграмотных китайцев именно театральные представления были основным зрелищным мероприятием и источником сведений о прошлом Китая и об устройстве мира. Значимость китайского театра в идеологическом воспитании диаспоры понимали и советские власти, поэтому особое внимание было уделено реорганизации традиционного китайского театра, где было решено заменить репертуар, который включил в себя новые пьесы, написанные на современные темы⁵⁸. Более того, была осуществлена попытка создать принципиально новый китайский театр. В 1931 г. из китайских рабочих и учащихся китайской партшколы была сформирована труппа театра. Этот коллектив артистов начал свою работу в новой популярной театральной форме — театра рабочей молодежи (ТРАМ)⁵⁹. Сейчас можно говорить о том, что активное желание советских властей переделать традиционный китайский театр и создание ТРАМа привело к угасанию этого явления китайской культуры на Дальнем Востоке России: для китайских мигрантов он перестает быть местом сосредоточения национальной культуры и теряет свою популярность (нельзя также не отметить, что внешнеполитические события сделали невозможным гастрольные выступления китайских знаменитых актеров).

Новые формы искусства и культурных мероприятий XX в. также затронули китайскую дальневосточную диаспору. В 1929 г. была осуществлена попытка наладить радиовещание станции Общества друзей радио на китайском и корейском языках (так в первой трансляции было передано сообщение о перевыборах совета, а также концерт китайского хора)⁶⁰. Большим событием для китайских мигрантов было и открытие в 1929 г. во Владивостоке китайского кинотеатра «Тай-пин-ян» («Тихий океан»), где первое время шли фильмы на китайском языке. В отличие от традиционного театра, в здании кинотеатра устанавливались строгие правила поведения: запрещалось курить, плевать и шуметь. Кинотеатр работал семь дней в неделю и устраивал два сеанса ежедневно⁶¹.

Начало 1930-х гг. стало и временем, когда на Дальнем Востоке стала активно издаваться литература на китайском языке и на новом китайском латинизированном алфавите. За 1931–1938 гг. увидело свет множество изданий различной тематики: книжки для начального чтения малограмотными взрослыми и книжки для детей; переводы русских классиков (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М. Горький) и произведений китайских писателей, в частности местных авторов; общественно-политическая литература — тексты партийных и государственных документов, докладов, выступлений и т.д.; различная учебная литература: справочники, учебные пособия, буквари, хрестоматии по литературе, учебники по географии, естествознанию, учебник арифметики.⁶²

В первой половине 1930-х гг. советские власти, осознавая тот факт, что большая часть китайцев после занятия Японией Маньчжурии потеряла возможность вернуться на территорию Китая, начали кампанию по паспортизации китайцев. Масштабная выдача паспортов китайцам началась 1 сентября 1933 г. в рамках общей паспортизации дальневосточного населения⁶³. Кампания была призвана решить проблемы преступности, неконтролируемой миграции, распределения рабочих мест, а также обеспечить защиту китайских рабочих от экономической эксплуатации в Дальневосточном регионе. Пропаганда необходимости введения единой паспортной системы велась и на страницах местных газет: «Проведение паспортизации среди восточников имеет огромное политическое значение. Пролетарскому Владивостоку, имеющему многотысячное китайское и корейское население, давно пора освободиться от оставшихся бывших “джайгунд”, которые и сейчас продолжают потихонечку заниматься своими делами, зарывшись в трущобы “миллионки” (район Владивостока, где жили китайцы. — А.М.). Проведение паспортизации сре-

ди восточного населения является суровым пролетарским фильтром... Мы должны превратить дни паспортизации в дни подлинных боев, в дни, которые взорвали бы остатки старой гнили: миллионку, опекурильни, притоны и т.д...»⁶⁴.

Несмотря на проведение кампании по паспортизации «восточников» к 1935 г. ситуация на Дальнем Востоке сильно не изменилась. В одном из документов того времени содержится такая оценка сложившегося положения: «В крае проживает изрядное количество китайцев с просроченными паспортами, без всяких паспортов, среди которых не мало таких, которые не имеют права проживать в городах края. Оформление перехода в советское гражданство идет крайне медленно, учет принятых в гражданство СССР никак не используется в повседневной советской работе и вся эта работа в целом идет самотеком»⁶⁵. Беспаспортные китайцы, которых обязывали получить документы, нередко решали проблему легализации пребывания на территории СССР двумя путями: либо шли к консульству и оформляли документы, оставаясь китайскими гражданами, или шли и записывались в колхозы, где работали наемными рабочими, тем самым скрываясь от принудительной паспортизации⁶⁶.

Второй период — время самой активной работы советских властей с китайскими мигрантами: были сделаны определенные успехи в ликвидации неграмотности, борьбе с «эксплуататорами» среди китайских мигрантов, приобщении китайцев к советской культуре. В то же время реализация этих мер внутри диаспоры в полном объеме была вряд ли возможна, прежде всего, из-за недостаточной численности необходимых для этого кадров и ресурсов. К середине 1930-х гг. для центральных властей стало очевидно, что дальнейшее существование многочисленной китайской диаспоры на дальневосточных рубежах становится нежелательно, так как наличие плохо поддающейся контролю среды китайских мигрантов представляет угрозу безопасности государства, поэтому на эти же годы приходится начало осуществления репрессивной политики в отношении китайцев.

Третий период, продолжавшийся с 1935 по 1938 гг., время начала широкомасштабных репрессий в Советском Союзе. Убийство М. Кирова 1 декабря 1934 г. запустило политические процессы, результатом которых было смещение и ликвидация многих руководителей страны (процесс 19–24 августа 1936 г. над троцкисто-зиновьевским блоком; декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1936 г., открывший дело Бухарина и Рыкова). Решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., на котором Ежов сказал, что страна наводнена «шпионами, диверсантами и вредителями» и его приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» направили эти репрессии и на остальное население Советского Союза.

На Дальнем Востоке СССР политический курс властей стал доминировать над экономическими интересами и идеологическими постулатами. Стремление нейтрализовать или ликвидировать «неблагонадежное» население, в условиях разворачивавшихся репрессий внутри страны и ухудшения внешнеполитической обстановки привело властные структуры СССР к осуществлению действий, результатом которых стало почти полное разрушение мира китайской диаспоры и кризис или исчезновение связанных с ним звеньев дальневосточной экономики. Формально, этот курс не соответствовал декларируемой в стране идеологии, но в практической работе партийные органы и госбезопасность тогда уже опирались на другие представления: «инонациональности» (народы, имевшие собственную государственность за пределами СССР) воспринимались как потенциально опасный слой населения⁶⁷.

Эти годы — время массовых арестов и депортации китайцев. Данный период также характеризуется постепенным прекращением работы всех организаций, созданных для китайского населения края: были закрыты китайские школы и театры, распущены китайские колхозы, ликвидированы редакции газет на китайском языке.

Репрессии 1930-х гг. затронули не только «классово чуждые элементы» в китайской общине. Не смотря на то, что многие китайцы—члены ВКП(б) принимали ак-

тивное участие в революционных событиях 1917 г., гражданской войне, партизанском движении на Дальнем Востоке, советском и партийном строительстве, они не избежали обвинений в шпионаже и троцкизме. Так, например, с 1936 г. по доносам Замкова (Пэн Сюлунь), который был инструктором Далькрайкома, были исключены из партии и осуждены китайские коммунисты: Чугунов (Чжоу Давэнь), Пирогов (Ян Гошэн), Одиновых (Сян Юймэй), Сабуров (Ли Госы), Орлинский (Дун Исян) и др. Большинство из них были обвинены в шпионаже в пользу Японии и репрессированы⁶⁸. Позже репрессиям подвергся и сам Замков.

В конце 1937 г. состоялись первые массовые аресты китайцев. Всего таких чисток во Владивостоке было три: еще две прошли в феврале и марте 1938 г.⁶⁹ Заключения под стражу китайцев происходили стихийно, по словам одного из очевидцев событий, их «хватали прямо на улице, в общественном транспорте, не спрашивая даже документов. Рабочих арестовывали целыми бараками, включая женщин и малолетних детей»⁷⁰. Подобные мероприятия меньшего масштаба были организованы в это время и в других областях региона, всего арестовано по итоговым оценкам более 11 тыс. человек⁷¹. В июне 1938 г. началось выселение китайской диаспоры с Дальнего Востока⁷². Всего депортировано было 7,9 тыс. человек в Синьцзян, 1,4 тыс. — в Казахстан, 1,9 тыс. переселено во внутренние районы ДВК⁷³.

Интересно, что большинство социальных проблем китайского населения так и не были решены к моменту ликвидации китайской диаспоры в Дальневосточном регионе. Характерен пример описанный Л.М. Васильевым⁷⁴, когда он познакомился с условиями жизни китайцев во Владивостоке в 1938 г. Во как он рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Горсовет предложил нашему тресту взять один из освобождаемых китайцами домов для рабочих. Наши рабочие не были избалованы хорошими условиями жизни и даже новые дома строили из расчета одной комнаты на семью в четыре человека. Когда я пришел осматривать дом, только что освобожденный китайцами, то убедился, что он не имеет комнат в обычном смысле этого слова. Вдоль коридора шел ряд темных клетушек, размером по несколько квадратных метров. В каждой такой клетушке и жила китайская семья. Двери клетушек еле закрывались, иногда вместо дверей висели какие-то лохмотья, помещения были ужасающе грязными. Даже ко всему привыкшие советские рабочие не могли быть поселены в таком доме, и трест вынужден был от этого отказаться»⁷⁵.

Депортация китайцев была приостановлена⁷⁶ вследствие многочисленных протестов со стороны китайского консульства⁷⁷. Однако, и после лета 1938 г. китайцы продолжали покидать территорию Дальнего Востока, направляясь через Среднюю Азию в Китай. Следует обратить внимание на то, что значительную часть депортированных и добровольно выехавших составляли члены смешанных семей, т.е. русские жены и дети китайцев (около 1,5 тыс. человек)⁷⁸. В китайских источниках сохранились многочисленные истории китайских мигрантов, которые увезли с собой из СССР большие семьи⁷⁹.

Выселение китайцев негативно сказалось на экономической ситуации на Дальнем Востоке: порты, многие промышленные и горнодобывающие предприятия потеряли трудолюбивых и малотребовательных рабочих, а городские жители лишились свежих и недорогих продуктов питания. По словам Р.В. Вяткина, «потеря китайской и корейской диаспор, конечно, обеднила Дальний Восток, и его жители очень скоро это почувствовали — на своих желудках прежде всего»⁸⁰.

Вот как описывал изменения, произошедшие во Владивостоке после депортации китайцев, Валентин Михайлович Бережков⁸¹, проходивший военную службу на Тихоокеанском флоте в 1937–1938 гг.: «Уже при мне началась депортация этой части населения. Вскоре почти никого из них не осталось, чем был нанесен непоправимый ущерб экономике Приморского края. Ремесла пришли в упадок, китайская опера закрылась, начисто исчезли овощи. С тех пор, и вплоть до наших дней (начало 1990-х гг. — А.М.), их завозят

в основном из-за Урала и с Украины. Таков результат волны шпиономании, поднявшейся вслед за репрессиями 1937 года против высшего командования Красной Армии. Но мне посчастливилось еще застать лучшие времена Владивостока»⁸².

Репрессии в отношении «восточного» населения Дальнего Востока и депортации китайцев в Синьцзян 1937–1938 гг. полностью изменили облик этого региона СССР. К 1937 г. во всем Дальневосточном крае по официальной статистике осталось 24 589 китайцев⁸³ (это означает, что за советское время численность китайцев на Дальнем Востоке сократилась более чем на две трети). Согласно же данным переписи 1939 г., проведенной «для исправления ошибок предыдущей», статистика Приморского края вообще не отмечала присутствие китайцев, а в Хабаровском крае (в состав которого по новому административному делению входила и Амурская область) проживало лишь 5117 китайцев. Большая их часть (4650 чел.) теперь была расселена в сельской местности⁸⁴.

Нетрудно заметить, что основные параметры политики властей в советский период определялись изменениями в политической жизни СССР в целом (реализацией НЭП, переходом к активному «социалистическому строительству» и началом репрессий). При этом ход событий здесь имел целый ряд весьма существенных особенностей, которые определялись как региональной спецификой, так и развитием внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке. Вначале советской эпохи политика была ориентирована на то, чтобы использовать китайскую рабочую силу для решения экономических проблем региона; при этом власти относительно терпимо относились к существовавшим у китайцев формам организации общества, не имея сил их изменить, а в некоторых случаях воспринимая их как неизбежное зло. Все это приводило к возникновению условий для сохранения традиционных социальных структур китайской диаспоры, существованию слоя посредников и в конечном итоге информационной изоляции и социальной замкнутости китайцев. Затем была предпринята попытка «советизировать» китайцев Дальнего Востока, включив их в социально-политическую систему СССР и заменив старую китайскую культуру новой, основанной на общесоветских ценностях. Это привело к эмиграции значительной части китайского населения, не находившей своего места в новом обществе. Одновременно, были созданы советские структуры, которые должны были организовать жизнь китайской диаспоры в СССР: китайские клубы, кружки по ликвидации неграмотности, красные уголки и др. Впрочем, зачастую эти структуры не выполняли возложенные на них функции, лишь имитируя активную работу с китайским населением. В третий период власти перешли от действий по советизации диаспоры к курсу на ее ликвидацию, в результате чего большая часть китайской диаспоры подверглась арестам, высылке или расстрелам.

В целом, положение китайской диаспоры в это время определялось политико-экономической ситуацией в регионе и основное содержание трех этапов, на которые делится ее история с 1922 по 1938 гг. можно определить следующим образом: на первом этапе задачи экономического развития Дальнего Востока доминируют в политике властей над политическими задачами; на втором государство берет под свой контроль экономическую ситуацию в регионе и стремится трансформировать диаспору; третий этап — это время, когда приоритет в управлении регионом отдан политическим задачам, что приводит к ликвидации диаспоры и частичному разрушению связанных с ней сфер экономики.

1. Основными газетами, издававшимися в 1920–1930 гг. на Дальнем Востоке, были: «Красное знамя» (Владивосток), «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), «Амурская правда» (Благовещенск). Главным периодическим изданием на китайском языке с наибольшим тиражом была газета «Гунжэнь чжи лу» («Рабочий путь»).

2. Например: *Скворцов-Токаринин Т.Ф.* Географические названия Дальневосточного края у местных китайцев // Вестн. Дальневосточ. филиала АН СССР. 1932. № 3–4. С. 59–66; *Шпринцин А.Г.* О работе китайской секции Дальневосточного комитета нового алфавита // Революция и письменность. 1933. № 1. С. 64–67.
3. *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009; *Кулинич Н.Г.* Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока России в 1920–1930 гг. // Пробл. Дальнего Востока. 2006. № 4.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том 7. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 8.
5. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 2.
6. *Friesen.* Der Ferne Osten. Moscow, 1927. P. 17. Цит. по: *Kolarz W.* The Peoples of the Soviet Far East. Praeger, 1954. P. 45.
7. Большая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 11. С. 555.
8. *Чернолуцкая Е.Н.* Приморский край в Советский период. URL: <http://www.fegi.ru/primorye/history/soviet.htm> (Дата обращения 04.08.10).
9. Дальневосточный край в цифрах: справочник. Хабаровск, 1929. С. 196.
10. Мечик Донат Исаакович (1909–1995) — театральный режиссер, отец С. Довлатова. В своих мемуарах он описал время становления советской власти во Владивостоке начала 1920-х гг.: «Советизация Владивостока, отстоявшего на десять тысяч километров от столицы, шла заторможено. Все еще были в ходу японские иены и американские доллары. Царское серебро продолжали принимать по курсу два или два с половиной за бумажный рубль» (*Мечик Д.* Театральные записки. Нью-Йорк, 1989. С. 126).
11. *Мечик Д.* Театральные записки. Нью-Йорк, 1989. С. 127.
12. *Чернолуцкая Е.Н.* Указ. соч.
13. Речь тов. Чуцаева // XV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1928. С. 834. С.Е. Чуцаев (1876–1944) — советский государственный и партийный деятель, с марта 1927 по 1929 гг. являлся председателем Дальневосточного краевого исполкома советов, избирался членом бюро крайкома ВКП(б).
14. Согласно изданию Дальневосточного переселенческого управления, политика советской власти там имела следующие цели: «Дальний Восток, страну казармы и каторги превратим в экономически мощный и хозяйственно цветущий край. Вместо крепостей и тюрем построим фабрики и заводы, разовьем сельское хозяйство, и все народное хозяйство организуем на социалистических началах». (Заселение Дальне-Восточного края (Материалы ко II краевому съезду советов). Хабаровск: Изд. ДВ переселенческого управления. 1927. С. 3.
15. Земельное управление при исполнительном комитете краевого совета.
16. Положение труда на Дальнем Востоке. Чита, 1924. Предисловие.
17. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 24.
18. Многие годы изучавший Дальний Восток и его население В.К. Арсеньев так оценивал трудовые навыки русского и китайца: «Там, где нужно произвести спешную работу в короткий срок, великоросс является незаменимым работником, но при условии, чтобы эта работа не имела затяжного характера и не была однообразна и монотонна; но где работа длительная и методично-однообразная, там приходится отдавать предпочтение китайцу. Когда тот и другой работают рядом, великоросс сначала быстро обгоняет китайца, затем начинает отставать. Первый ищет большого заработка, второй не ставит на первом месте расценки труда, — для него важно только, чтобы источник заработков был возможно продолжительным или даже неиссякаемым» (*Арсеньев В.К., Титов Е.И.* Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток, 1928).
19. Дальневосточный край в цифрах: справочник. Хабаровск, 1929. С. 196.
20. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1 (1923 г.), ч. 1. С. 673–674.
21. Китайцы в Дальне-Восточном крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 4–5.
22. Старшинка — подрядчик артели; «джангуйда» (*чжангуйдэ*) — хозяин лавки, опекуnder или какого-то предприятия. Нередко в русском языке эти понятия смешиваются, обозначая китайца, который отвечает за трудоустройство своих соотечественников в России. В советское время оба слова имеют ярко выраженную отрицательную окраску, так как олицетворяли экономическую эксплуатацию китайских рабочих.

23. Так на Дальнем Востоке называли рабочих из соседних стран — китайцев, корейцев и японцев.
24. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 20.
25. Там же. л. 21.
26. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 353.
27. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 30.
28. Так, Рюрик Ивнев отмечал следующее: «Но отбросив в сторону сюжет, надо сказать, что мастерство китайских актеров является предметом удивления многих. Помимо тонкой игры, китайские актеры не могут не удивлять зрителя своими прекрасными акробатическими способностями: во время действия им приходится исполнять всевозможные акробатические и жонглерские трюки. Кроме того, они должны уметь хорошо фехтовать, иметь развитое и гибкое тело, быть гимнастами и физкультурниками» (*Рюрик Ивнев. Жар прожитых лет. СПб., 2007. С. 346–347.*
29. Справка по истории китайских театров на ДВ, составленная управляющими китайскими театрами. ГАХК, ф. п-2, оп. 9, д. 75; Тихоокеанская звезда. 1927. 19 янв.
30. Тихоокеанская звезда. 1926. 24 янв.
31. Речь тов. Перепечко // XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 126.
32. Позднее окончание НЭПа характерно только для дальневосточных окраин страны. В других регионах рубежными являются 1927–1928 гг. По мнению исследователя Е. Осокиной, «достаточно взглянуть на мемуары, рассказывающие о последних годах нэпа, чтобы увидеть, где прошел водораздел. До 1927 г. авторы описывают изобилие рынков и еду в достатке, затем по всей стране устанавливается однообразный и скудный рацион: черный хлеб да постные капустные щи» (*Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927 — 1941. М., 1999. С. 37.*
33. *Чернолуцкая Е.Н.* Указ. соч.
34. Елизавета Павловна Кишкина (род. 1914 г., китайское имя — Ли Ша) — известная русистка, профессор Пекинского университета иностранных языков, жена Ли Лисаня. В 1931 г. добровольно поехала на Дальний Восток, где работала техническим редактором Дальневосточного краевого издательства в Хабаровске и Владивостоке (*Ли Ша. Дали моего детства, 1914–1921 // Волга — XXI век. Саратов, 2009. С. 138.*
35. *Ли Ша. Водэ Чжунго Юаньфэнь. Ли Лисань фужэнь Ли Ша хуйлило [Кишкина Е.П. Моя китайская судьба. Воспоминания жены Ли Лисаня Ли Ша.] Пекин, 2008. С. 27.*
36. Е. Кишкина писала: «С 1931 по 1932 гг. Советское правительство развернуло крупномасштабную индустриализацию и коллективизацию, сделав главный упор на тяжелую промышленность, игнорируя развитие легкой промышленности, животноводства, придерживалось четко установленных норм, пыталось форсировать развитие отдельных сфер экономики, что вызвало серьезные диспропорции в советской экономике. В Дальневосточном регионе, также как и в других регионах Советского Союза, ежедневное снабжение рынка было затруднено. Не знаю, почему на рынках пропали китайские овощи, китайские колхозы также бесследно исчезли, предположительно они были принудительно распущены. (на самом деле китайские колхозы не были ликвидированы, они существовали до депортации китайских мигрантов, но с завершением НЭПа был нанесен удар по китайским частным хозяйствам, которые традиционно кормили Дальний Восток свежими продуктами питания. — А.М.). Когда я только приехала туда, в магазинах еще можно было купить красную икру и рыбные консервы, и так как они были дешевыми и хорошего качества, они стали нашим основным продуктом питания. Однако вскоре даже они пропали, полки магазинов опустели, даже хлеб давали по талонам. Мы могли питаться только в определенной столовой. Говорили, что это была специальная столовая для инженеров и кадровых работников, находившаяся на спецснабжении, но [там] три раза в день, в течение всех четырех сезонов подавали только один продукт — сардины с кашей. Если даже наш стол был таким, можно себе представить, какой была жизнь простых людей. Иногда [там] также была свежая рыба, но ее приходилось варить на воде, не добавляя ни капли масла, также не было никаких приправ, и с течением времени, как только [это блюдо] выставлялось на стол, у людей сразу пропадал аппетит. После этого в течение десятилетий я испытывала чувство отвращения при виде рыбы» (*Ли Ша. Водэ Чжунго Юаньфэнь. Ли Лисань фужэнь Ли Ша хуйлило [Кишкина Е.П. Моя китайская судьба. Воспоминания жены Ли Лисаня Ли Ша.] Пекин, 2008. С. 28.*

37. «Шесть условий товарища Сталина» — комплекс хозяйственно-политических мероприятий, выдвинутых И.В. Сталиным на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.: распределение и использование рабочей силы, зарплата по труду, организация труда, создание своей производственно-технической интеллигенции и привлечение старой интеллигенции, внедрение хозрасчета. В первой половине 1930-х гг. этот раздел доклада Сталина печатался отдельной брошюрой.
38. *Effie Hopper*. Vladivostok, in decay, awaits a new destiny // *New York Times*. 1934. 24 Jun.
39. Список китайских колхозов. Численность корейского и китайского населения по областям ДВК на 1-е января 1932 г., ГАХК, ф. п-2, оп. 11, д. 233, л. 5–6. — л. 6.
40. Китайцы в Дальне-Восточном Крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 3.
41. *Чернолуцкая Е.Н.* Указ. соч.
42. Согласно докладу командующего ОДВА В.К. Блюхера на XVII съезде ВКП(б), к 1934 г. Япония в Манчжурии построила около 50 авиационных баз, более 1000 км железных дорог, 2200 км шоссейных дорог, которые располагались или были направлены либо к приграничной зоне, либо были стратегически выгодны для решения будущих военных задач. Для правительства Советского Союза было очевидно, что «несмотря на, казалось бы, мирные заверения официальных руководителей японской политики <...> идет лихорадочная подготовка к войне, что Северная Манчжурия превратилась в тот плацдарм, который Япония с отчаянной решимостью, истощая весь свой государственный организм, подготавливает для того, чтобы с этого плацдарма сделать прыжок на наш Советский Дальний Восток». XVII Съезд ВКП(б). (Стенографический отчет. М., 1934).
43. Ши Чжэ (псевд. Карский, 1905–1998) — работал в органах безопасности ЦК КПК и в Бюро переводов ЦК КПК. С 1929 по 1938 гг. работал оперуполномоченным Полномочного представительства ОГПУ (НКВД) СССР по Новосибирской области. Подробнее см.: *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М., 2002. С. 318–319.
44. *Ши Чжэ*. Водэ ишэн: Ши Чжэ цзышу. [Моя жизнь: воспоминания Ши Чжэ]. Пекин, 2001. С. 59.
45. Речь тов. Кржижановского. // XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 128.
46. Речь тов. Куйбышева // XVI Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1930. С. 171.
47. *Кулинич Н.Г.* Проблема «закрепляемости» населения Дальнего Востока России (Исторический аспект). // *Власть*. М., 2008. № 9. С. 104.
48. «На Дальний Восток в качестве «спецпереселенцев» (с 1934 г. — «трудпоселенцы») направлялись раскулаченные крестьяне из Украины, Белоруссии, центральных районов страны, количество которых в регионе к концу 1930 г. равнялось 19 374 человека. В 1931 г. в ДВК прибыла вторая очередь спецпереселенцев и их количество на 1 января 1932 г. составило 40 440 человек. На январь 1933 г. их насчитывалось 40 563 человек. Указанное переселение людей было следствием государственной политики спецколонизации, то есть освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством принудительных миграций. При этом основной поток спецпереселенцев пришелся на Урал, Сибирь, Казахстан и Северный край. ДВК в этом плане занимал незначительное положение. Вклад спецпереселенцев в развитие сельского хозяйства региона также был несущественным: за 1930–1937 гг. ими было раскорчевано и расчищено от кустарника и мелкого леса 9 279 га, что составило только 1,3% плановой посевной площади зерновых ДВК в 1937 г.» (*Люшилин Е.Л.* Красный Олимп. Советско-партийное руководство Дальневосточного края в процессе социально-экономического развития региона, 1926–1938 гг. Хабаровск, 2011. С. 62–63).
49. Дальлаг был создан 1929 г. и просуществовал до реорганизации в 1939 г. Местом дислокации был г. Хабаровск. Заключенные были привлечены для работы на лесозаготовках, добычи золота, каменного угля, дорожном строительстве, лову и переработки рыбы, в сельском хозяйстве, на производстве товаров ширпотреба, дноуглубительных работах на р. Амур, строительстве цементных заводов в районе Хабаровска, погрузочных работах на железной дороге, работе в мастерских Владивостока и Хабаровска. Количество заключенных к 1937 г. возросло до более чем 110 тыс. (на 1 янв. 1930 г. — 9 200; на 1 янв. 1935 г. — 59 515; на 1 янв. 1937 г. — 112 490) (Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm> (Дата обращения: 28.01.12. Сайт Международного историко-просветительского правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»)).

50. *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 272.
51. Китайская официальная статистика в 1934 г. фиксировала в Амурской области следующие профессии среди китайских мигрантов: рабочие золотых рудников (1567 чел.), рабочие на заготовке леса (1484 чел.), дорожные строители (575 чел.), крестьяне (510 чел.) и др. Всего в статистических данных присутствуют около 70 различных специальностей(!), но по сравнению с 1920 гг. их перечень претерпел значительные изменения. Владельцев небольших лавочек становится меньше, множество рабочих теперь объединены в союзы (Минго Эршисаньянь Вай-цзяогунбао [Внешнеполитический бюллетень за 23 год Республики [1934]. С. 69–71.
52. *Heller O.* The Port of Vladivostok, Once and Now // *International Press Correspondence*. 1932. 13 Oct. P. 962. Цит. по: *Kolarz W.* The Peoples of the Soviet Far East. Praeger, 1954. P. 45.
53. *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 271–278.
54. Кампании по латинизации китайского языка посвящено немалое количество работ современных исследователей. Например, см.: *Дацзышен В.Г.* Движение за латинизацию китайской письменности и развитие китайской школы на советском Дальнем Востоке // *Россия и АТР*. 2008. № 3.
55. Се Хуайдань. Суйюе цзихэнь. [Следы прожитых лет. Воспоминания студентки Московского университета Сунь Ятсена]. Фучжоу, 1990. С. 56.
56. Китайцы в Дальне-Восточном крае (1930 г.). РГАСПИ, ф. 514, оп. 1, ед. хр. 593, л. 57.
57. Там же.
58. Названия поставленных пьес были следующими: «Ван-Фу-Лин» (авторы — Кирюченко и Левин), «Бой начат» (Цай Ен), «Тудыгомин [туди гэмин]» (Сяо), «Латынизация» (Козыдю), «Уголь» (Цай Ен), «Защита Шанхая» (Тин Шан), «Рабочие Чапея» (Цай Ен), а также старые произведения, прошедшие идеологическую переработку: «Маньчжурские события» (Сун Бунмао), «Кантонская коммуна» (Ван Сюнмин), «Конец капитализма» (*Вацук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 95; *Левин И.* Советский китайский театр // *Советский театр*. 1935. № 5–6. С. 23.
59. *Вацук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 94.
60. Китайцы и корейцы во Владивостоке, 1929 (титры киножурнала «Совкино» № 6/185; оригинал фильма хранится в РГАК, ф. 801).
61. Гунжэнь чжилу [Рабочий путь]. 1929. 21, 24 сент.
62. Литература на китайском латинизированном алфавите СССР (библиогр. обзор). После 1959 г. Отдел рукописей РНБ. Шпринцин Александр Григорьевич. Личный архив. Ф. 1200, ед.хр. 21, л. 24.
63. *Чернолуцкая Е.Н.* Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1999. LXXI/1. С. 27.
64. Красное знамя. 1933. 10 сент. Цит. по: *Чернолуцкая Е.Н.* Указ. соч. С. 27.
65. Протокол совещания при Культпропе ДКК ВКП(б) от 13.05.35. по вопросам издания китайского словаря и языковых учебников. ГАХК, ф. п-2, оп. 11, д. 201, л. 1–5, л. 3.
66. *Чернолуцкая Е.Н.* Конец «Миллионки»: ликвидация китайского квартала во Владивостоке // *Россия и АТР*. 2008. № 4. С. 29.
67. С 1933 по 1938 гг. были депортированы поляки, немцы, финны, курды, корейцы, иранцы. См.: *Сталинские депортации, 1928–1953. М., 2005. Ч. 1.*
68. *Головин С.А.* Положение китайского населения на Дальнем Востоке России в 60-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в. // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 2. С. 41–42.*
69. *Сталинские депортации, 1928–1953. М., 2005. С. 101–102.*
70. *Коровяковский П.* Китайцы — жертвы сталинских репрессий // *Пробл. Дальнего Востока*. 1991. № 2. С. 144.
71. *Чернолуцкая Е.Н.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // *Пробл. Дальнего Востока*. 2008. № 4.
72. Лев Васильев (см. ниже) так описал высылку китайцев и членов смешанных семей: «В 1937 году (в 1937 г. начались аресты, высылка началась в 1938 г. — *А.М.*) НКВД начало планомерное выселение китайцев. Бедных Юли-юли (так русские нередко называли китайских мигрантов. — *А.М.*) делили на две категории: китайских и советских подданных. Сначала высели-

- ли китайских подданных, а потом арестовали и выслали и всех советских подданных. Многие китайцы как первой, так и второй категории, были женаты на русских и имели детей. Это не помогло ни тем, ни другим, и русские жены китайцев разделили судьбу мужей» (*Васильев Л.М.* Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954. С. 106).
73. *Чернолуцкая Е.Н.* Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 4. В Синьцзян отправляли китайских подданных и членов смешанных семей независимо от гражданства, в границах СССР оставались советские граждане.
74. *Васильев Лев Мстиславович* (1903–1968) — с 1944 г. работал советником торговой миссии при посольстве СССР в Тегеране, с 1950 г. в эмиграции. В 1937–1939 гг. работал управляющим одного из строительных трестов во Владивостоке, где стал свидетелем депортации китайцев. Подробнее см.: *Александров Е.А.* Русские в Северной Америке. Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 91.
75. *Васильев Л.М.* Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954. С. 106.
76. Сталинские депортации, 1928–1953. М., 2005. С. 103–104.
77. Дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой были восстановлены в 1932 г.
78. Сталинские депортации, 1928–1953. М., 2005. С. 103–104.
79. Так, в материалы написанные по воспоминаниям этнических русских, проживающих в Китае, была включена история китайца, чей дед со стороны матери Ли Мэнгун (русское имя Николай) уехал из Китая на заработки во Владивосток. В 1930 г. он женился на украинке Даше Лихалот. От их брака родились мальчик и две девочки. В июне 1940 г. с тремя детьми и семьей старшей сестры Даши Валентины он выехал в Синьцзян. Изложено по книге: *Элосыцзу [Русские]*. Куньмин, 2004. С. 271.
80. *Вяткин Р.В.* История одной жизни (фрагменты мемуаров). Из книги: Юэ Тэ-цзинь ле чжуань (Судьба востоковеда Р.В. Вяткина). М., 1998. С. 212.
81. *Бережков Валентин Михайлович* (1916–1998) — известный журналист-международник, участвовал в качестве переводчика советских руководителей на многих международных встречах и переговорах военных лет. В 1938–1939 гг. служил на Тихоокеанском флоте во Владивостоке, где и застал процесс депортации китайского населения.
82. *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 267.
83. Перепись 1937 г. скорее всего отражает реальную тенденцию резкого сокращения китайского населения. Более точные данные по областям установить трудно, так как данные второй Всесоюзной переписи населения 6 января 1937 г. не устраивали высшее советское руководство, и поэтому в сентябре того же года специальным постановлением СНК СССР эта перепись была объявлена дефектной, а ее данные были засекречены (Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 4).
84. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 60–61.